Елена М. Шерман

Львівський державний університет
безпеки життєдіяльності
Україна

СВЯЩЕННЫЙ БРАК И ИМИДЖ ПОЛИТИКА

РИТУАЛНИ БРАК И ПОЛИТИЧКИ ИМИЏ

САЖЕТАК. У раду се разматра техника коришћења митолошког сижеа ритуалне свадбе као начина стварања имиџа политичара, на примеру свадбе лидера румунског „Легиона Михаила Архангела”, Корнелију Зеља Кодрјану (1926) и команданта „Српске добровољачке гарде” Жељка Ражнатовића Аркана (1995). По мишљењу аутора, успешност активизације сижеа светог брака зависи од низа фактора, међу којима је тип друштва (аграрно или полуаграрно), харизматични тип политичког лидера, а такође и одређена идеологија. Успешно коришћење овог сижеа омогућава не само појачавање оваквог имиџа политичара, већ и стварање политичког мита. Значајно место аутор даје анализи улоге медија у овом процесу.

КЉУЧНЕ РЕЧИ: мит, имиџ, ритуал, архетип, политички лидер, ритуална свадба.

Наличие в структуре имиджа политического лидера компонентов, опирающихся на архаические структуры сознания, стало общим местом современной политической науки. К числу таких компонентов прежде всего относятся архетипы. Основные архетипы, составляющие мифологический фундамент имиджа носителя верховной власти, детально рассмотрены еще Дж. Фрезером [14] и М.Элиаде [15] и проанализированы применительно к политическому дискурсу XX в. рядом современных исследователей [1-4]. В основе положительного имиджа политических лидеров, помимо собственно архетипа Царя, лежат архетипы Отца и Героя (Воина). Отмечена определенная взаимосвязь между политическим режимом и архетипами, составляющими основу имиджа политического лидера: общеизвестно, что тоталитарные диктаторы минувшего столетия как правого, так и левого толка

активно эксплуатировали архетип Отца, в разных пропорциях сочетавшийся с архетипом Героя.

Архетип неразрывно связан с соответствующим мифом и ритуалом. Однако среди ритуалов, сопровождающих реализацию архетипа, есть и такие, для которых характерны одновременно недостаточный уровень исследования и «принадлежность» к определенным политическим идеологиям, что является, как было замечено выше, не столь уж частым явлением. Сочетанием данных факторов обусловлен наш интерес к ритуальному браку и задание данной статьи: проследить механизм использования данного сюжета архаической космогонии в процессе формирования/подкрепления имиджа политического лидера XX ст., исповедующего идеологию национализма.

Священный (ритуальный) брак принадлежит к тем мифологическим понятиям, для которых характерна известная поливариантность. Он является неотъемлемой частью как космогонических (брак земли и неба, брак богов) и аграрных мифов, так и мифов о предках, и в наиболее схематизированном виде может быть описан как сочетание двух противоположных сущностей, порождающее (или укрепляющее) некий порядок мироздания, а также способствующий его процветанию. Священный брак этих сущностей «периодически (циклически) воспроизводится в таких природных явлениях, как дождь, молния, порождая уже не всю вселенную, а ежегодно возобновляющиеся блага, такие, как злаки или мигрирующие в течение года животные» [5]. В свадебных церемониях практически всех народов мира присутствуют отголоски данного мифа.

Итак, мифологический священный брак предшествует сотворению вселенных и созданию государств, он стоит у истоков этноса (первоначальный предок которого вступает в брак с божеством), а также способствует процветанию общества, плодовитости и земному изобилию. Значимость функций данного ритуала предполагает особый статус его

участников. Как действие созидательного характера, он сближает его участника с демиургом, наделяет его необыкновенными возможностями или предполагает их. Возвращаясь к теории архетипов, отметим, что священный/ритуальный брак непосредственно связан с архетипами Царя, Героя, Воина и Жреца, причем в каждом случае он имеет свою специфику.

Царь вступает в священный брак с божеством или землей, стремясь обеспечить легитимность своей власти и гарантировать богатый урожай, здоровье подданных, военное могущество и т.д. Воспроизведение данного действия как части религиозной ритуальной практики доклассового общества подробно описано Фрезером. В истории ранних государств данный сюжет практически неотделим от образа монарха. Одним из первых документально засвидетельствованных примеров его использования для подкрепления положительного имиджа власти является традиция священных браков царей Месопотамии: проведение данной церемонии обеспечивало земле силу и весеннее возрождение. У скифов, занимавшихся преимущественно животноводством, этот ритуал обеспечивал приобретение царем сакральной власти, и заключался в воспроизведении священного брака царя скифов с богиней Табити [6, с.100.]

Достаточно близким к ритуальному браку Царя является ритуальный брак Жреца, заключаемый с божеством и реализуемый как некая мистерия. В контексте нашего исследования важно то, что священный брак Царя и Жреца предстает как регулярно повторяемое действие, циклическая церемония, суть, последовательность и участники которой заранее известны. Не так обстоит дело со священными браками Героя и Воина, выступающими как *единичное* действие, часто представляющее собой кульминационный момент мифологического сюжета: герой побеждает чудовище, воин побеждает врага, добывая себе таким образом невесту. Невеста традиционно предстает в образе архетипической Девы, иногда Жертвы, иногда – Воительницы (Персей и Андромеда, Зигфрид и Брюнхильд). Одним из вариантов

сакрального значения брака героя и воина является окончательная победа над силами хаоса, хотя вариант легитимации власти также не исключен.

Как и многие другие мифологические компоненты положительного имиджа правителя, в Новое время понятие священного брака подверглось определенной трансформации, сохранившись в исключительных случаях к 18 веку как очевидный анахронизм (брак дожа Венеции с морем). Со времен позднего средневековья священный брак применительно к личности реального политического лидера реализовывался в двух вариантах, причем первый их них - и носящий явный отпечаток архаической мистики язычества – не просто дожил до XX века, но и обрел второе дыхание в политической практике тоталитарных государств.

Речь идет о так называемом символическом браке правителя со своей страной – браке, разумеется, не предполагающем соответствующей церемонии – зато предусматривающем демонстративный отказ от личной жизни, или, точнее, демонстрацию отсутствия таковой. Классическим примером такого правителя является английская королева Елизавета I Тюдор (1533 – 1603) – пресловутая «Virgin queen», Королева-девственница, мотивировавшая отказ всем претендентам на руку и сердце символическим браком с Англией. В XX столетии официальное ритуальное безбрачие активно практиковал А.Гитлер, используя примерно те же аргументы и даже лексемы. Имплицитно именно символический брак со страной служил объяснением одиночества после смерти второй жены И.Сталина (при том, что в официальной пропаганде тема его личной жизни не затрагивалась и не объяснялась). Уже в наше время свежее дыхание внес в старинный сюжет президент Беларуси А.Лукашенко, живущий на протяжении 20 лет своего правления врозь с официальной женой, но зато не так давно обзаведшийся малолетним сыном.

Второй вариант священного брака представляет собой традиционный брак политика с вполне реальным партнером, который, однако, наделяют магическими свойствами, мифологизируют/сакрализируют. В чистом виде в

Новое время и позднейшие периоды он представлен, разумеется, в мистериях царских/королевских свадеб. Применительно к относительно недавнему времени вспоминается небывалый ажиотаж вокруг брака принца Чарльза и леди Дианы (и вся последующая мифологизация СМИ банальной истории заурядного адюльтера), повторившийся через 30 лет в 2011 году во время свадьбы сына Дианы, принца Уильяма, и его многолетней приятельницы Катерины Миддлтон. Толпы людей, бросивших свои дела, съехавшихся со всей страны и дежуривших несколько суток у дворца; небывалое количество зрителей, смотревших в прямом эфире церемонию венчания; информационный резонанс, совершенно не соответствующий подлинному значению события (начать с того, принц Уильям не является фигурой из мира реальной политики), свидетельствуют о том, насколько силен архаический пласт сознания и его архетипы даже у населения самых зрелых демократий. Однако, на наш взгляд, вывод, который напрашивается: о невозможности использования второго варианта священного брака вне контекста монархии, в корне неверен, и наибольший интерес для исследователя представляют именно те случаи, когда реальный брак приобретает мифологический статус, становясь мощным элементом формирования имиджа политика достаточно нетрадиционного типа.

Понять, каким образом это происходит, позволяет сравнительный анализ двух случаев использования сюжета священного брака, которые объединяет не только определенная географическая близость мест событий, но и а) близость идеологических платформ политиков и б) практически полная идентичность технологий. Речь идет о лидерах двух вооруженных организаций, двух представителях праворадикального лагеря: румынском политике Корнелиу Зеля Кодряну (1899-1938), командире «Легиона Михаила Архангела», и Желько Ражнатовиче Аркане (1952-2000), командире «Сербской добровольческой гвардии».

14 июня 1925 года в г.Фокшань с размахом отпраздновали свадьбу молодого лидера румынских националистов, незадолго пред тем

прославившегося убийством префекта полиции Манчу, жестоко подавлявшего праворадикальное студенческое движение. Корнелиу Кодряну застрелил префекта полиции прямо в зале суда после того, как сторонники полицейского выхватили пистолеты. Именно в Фокшане должен был состояться суд над Кодряну, но был перенесен в другой город, Турну Северин. 26 мая 1925 года будущий командир «Легиона Михаила Архангела» был полностью оправдан судом, и сразу после освобождения его сторонники из Фокшан предложили Кодряну сыграть свадьбу в их городе, пообещав взять на себя все расходы.

Подлинный смысл предложения заключался, конечно, не в компенсации затрат на мероприятие. Немало единомышленников Кодряну воспринимали брак своего лидера как мистический акт. Благодаря воспоминаниям сподвижника Кодряну Хория Сима мы можем понять, как выглядел этот харизматический лидер в глазах своих последователей: «С первого момента встречи с Корнелиу Кодряну его физическое присутствие было наиболее выделяющимся. ….Одно его присутствие на публике возбуждало любопытство. Этот молодой человек появлялся как Бог среди смертных» [цит. по [7]. В одном из документов, распространяемых организаторами свадьбы, о предстоящем бракосочетании говорилось как о “великом празднике нации” [8].

Для жителей Фокшан и близлежащих населенных пунктов это определение не выглядело преувеличенным. Согласно воспоминаниям самого Кодряну, на свадьбу прибыло около 30 тысяч гостей. По причине огромного количества желающих приобщиться к церемонии венчание решено было провести на открытом воздухе, в роще неподалеку от города. 14 июня 1925 года жених в национальном костюме во главе колонны из «2 300 возов, экипажей, автомобилей, все в цветах» верхом на коне проскакал мимо дома невесты, присоединившейся к нему также на возе, запряженном шестью волами, и направился к месту венчания. Как вспоминал Кодряну, «церковное бракосочетание прошло в лесу перед примерно сотней тысяч человек. После

церковной церемонии последовали народные танцы, игры и увеселения. Затем общий свадебный пир начался на природе. Каждый принес с собой еду» [9].

Символическая совместная трапеза на природе соответствовала мистической части политической программы Кодряну, основанной на так наз. «народном христианстве» с сильными элементами язычества – словно сама земля принимала участие в празднестве. («Земля – это жизненная основа каждого народа. Народ как дерево коренится в земле своей страны, черпает из нее жизнь и силу» [9]). Архетипические аллюзии имели место и после свадебной церемонии: как писал Кодряну, «10 августа я был крестным в Чорешти под Фокшанами на крестинах ста детей, которые появились в это время на свет в районе Путна» [9].

Однако демонстративное обращение к архаике не помешало Кодряну и его единомышленникам воспользоваться новейшими средствами пропаганды. Свадебная церемония была снята на кинопленку, и, судя по тому, что уже через несколько дней получившийся фильм был показан в Бухаресте, его создавали не для семейного архива. Однако дальнейшему распространению фильма помешало министерство внутренних дел, конфисковавшее и уничтожившее и копии, и негатив.

Через два года после свадьбы, в 1927 г., Кодряну создает военную организацию «Легион Михаила Архангела» (Legiunea Arhanghelul Mihail), известную также как «Железная гвардия». Идейной основой легиона был радикальный национализм под лозунгом возвращения к национальным истокам и религиозного очищения, а политической практикой - серийные убийства политиков и чиновников, обвиняемых в коррупции и предательстве национальных интересов. В 1931 году Кодряну был избран депутатом румынского парламента, а в ночь с 29 на 30 ноября 1938 ранее арестованный политик был вместе с несколькими единомышленниками убит «при попытке к бегству». Приказ об убийстве отдал король Кароль II.

Елена Илиною умерла в 1994 году в Бухаресте, пережив на 56 лет своего мужа, а также и королевскую, и коммунистическую Румынию. Через несколько месяцев после ее кончины завязался роман, приведший вскоре к другой свадьбе национального масштаба.

19 февраля 1995 года в СРЮ состоялась свадебная церемония, привлекшая внимание журналистов из 36 агентств новостей и телекомпаний (22 югославских и 14 иностранных [10, с.151] и ставшая медийным событием не только в СРЮ, но и на Балканах. Бракосочетание одной из самых противоречивых фигур политической жизни Югославии 1990-х – Ж.Ражнатовича – с популярной фолк-певицей Цецей (Светланой Величкович), вызвало столь активную реакцию общественности (в частности, было продано около 100 00 видеокассет с фильмом о свадьбе), что вполне может рассматриваться как знаковое и символическое событие. Подобная интерпретация была ожидаема организаторами и заложена в сам свадебный сценарий.

В соответствии с формируемым имиджем Аркана как «нового юнака», потомка Милоша Обилича, защитника сербов и православия, «во время свадьбы были соблюдены все сербские традиции» [10, с.153], хотя и подвергшихся определенной модернизации. Рано утром в воскресенье 19 февраля от здания штаба СДГ в Белграде стартовал свадебный кортеж из 56 джипов, направлявшийся в родное село невесты в 120 км от Белграда, где у дома невесты уже собралась восторженная толпа местных жителей. Прибывший жених был облачен в черногорский национальный костюм, причем на груди его сверкал тот самый крест, на котором члены его гвардии приносили присягу Богу и своему командующему. С соблюдением всех обрядов, в том числе сбивания яблока выстрелом из ружья и выкупа жених вошел в дом невесты, также одетой в национальное черногорское платье, и после их поцелуя, по свидетельству очевидцев, прекратился непрерывно шедший с ночи дождь. Вернувшись в Белград, Аркан и Цеца были обвенчаны в церкви Святого Архангела Гавриила в присутствии высших иерархов

церкви и большого количества гостей. На венчании невеста была в роскошном платье, а жених переоделся в офицерский мундир времен Петра Первого (1-й мировой войны). Визуальные элементы исторической архаики не только символизировали преемственность исторического ряда героев от князя Лазаря до 20 века, но и намекали на своего рода реинкарнацию.

Новобрачные представали как некие избранники, а королевский размах свадьбы в условиях страны, подвергшейся экономической блокаде (на свадьбу, стоившую около 200 000 тыс. немецких марок, были приглашены 1200 гостей – 650 со стороны жениха и 550 со стороны невесты), внезапно приобретал новое измерение: как мистический обряд, изобилие земных даров которого сулит процветание целому народу. Подтверждением этого служила реакция югославских СМИ, не оставлявшая никаких сомнений относительно интерпретации события: «Экспресс политика» назвала свадьбу «свадьбой десятилетия», Миряна Бобич-Мойсилович – «настоящей сербской свадьбой», где Аркан был Командиром, а Цеца – национальной принцессой, а известный колумнист Богдан Тирнанич Тирке писал о браке как о мифической встрече косовского витязя и косовской девушки [10, с.160] (кстати, мать Аркана была родом из Косово).

Упоминание о косовской девушке не случайно: героиня одной из самых известных песен эпического цикла о битве на Косово принадлежат к культовым фигурам национальной картины мира. Ее значение обусловлено не только драматизмом исторического события, которое само по себе является ключевым для сербской истории и историософии, но и высоким уровнем символизма, обусловленным ее архетипической составляющей. Героиня народной песни – это практически полное воплощение архетипа Девы, символическая сестра всех погибших; невеста, так и не ставшая женой; вечная плакальщица на всенародной тризне и в то же время аллегория самой Сербии. Даже поверхностное рассмотрение всей совокупности составляющих и интерпретаций этого образа потребовало бы отдельной статьи. В контексте нашего исследования важно то, что сюжет

«Девушки с Косова поля» прямо противоположен сюжету свадьбы: как ритуальное действие это не венчание, а предсмертное причащение («*Трогает бойцов окровавленных. А кого в живых она застанет, Умывает студеной водою, Причащает вином его алым, Белым хлебом раненого кормит*»). Мотив свадьбы, хотя присутствует в песне *(«За меня ты богу помолися, Чтоб из битвы я живым вернулся. А вернуся, будем жить счастливо, Ты мне станешь верною женою»*), выступает не как реальное или потенциальное действие, но как действие не сбывшееся, действие планируемое, но ныне невозможное – по крайней мере здесь, на Земле. В контексте основной идеи эпоса о Косовом поле можно предположить, что подобно тому, как проигравший битву царь Лазарь обретает венец небесный, так и косовскую девушку и ее жениха, Милана Топлицу, ждет встреча в ином мире. Но в мифологической реальности эпоса, равно как и в реальности обыденной жизни, девушке и витязю не быть вместе.

Исходя из сказанного выше, вовлечение данного образа в круг символических составляющих «свадьбы десятилетия» может показаться не совсем уместным – если не учитывать его неожиданной «модернизации» в некоторых текстах СМИ. «Война закончилась, и косовская девушка залечила раны герою и сделала его своим суженым», писала в то время белградская «Дуга» [11]. Тысячекратно повторенный образ внезапно оказывается востребованным в обновленной версии, а отождествление современной церемонии с архаическим ритуалом – почти магической попыткой изменить судьбу. Ритуальный брак оказывается источником сакральной силы такой мощности, что речь идет о переписывании и трагического сюжета песни, и – шире – исторического паттерна нации. Все происходит почти как в компьютерной игре, где можно перезапустить очередной ранд: герой – почти смертельно изувеченный – исцеляется чудом, вместо вечной разлуки на Земле – играют пышную свадьбу, вместо трагедии бесплодия, отсутствия потомства, символически отраженной в словах о засохшей ветви, героиню ждет радость материнства и т.д.

Возможно, именно это обстоятельство и превратило свадьбу Аркана и Цецы в медийное событие национального масштаба, наполняя ее множеством дополнительных смыслов и – в рамках мифологического дискурса – превращая в обряд, несущий мир, исцеление и процветание.

Проблема в том, что даже с материалистической позиции архетипы, равно как и судьбоносные исторические события не принадлежат к вещам, постмодернистские игры с которыми способны остаться без последствий. Входя в смысловое и энергетическое поле архаики, участники любого действа превращаются в его заложников: им лишь мнится, что они способны трансформировать архетипы согласно собственным вкуса, тогда как на самом деле дискурс предопределяет сценарий. 15 января 2000 г. Ж.Ражнатович был расстрелян 38 пулями в холле гостиницы «Интерконтиненталь», и его жена – как и положено косовской девушке – вытирала своей одеждой кровь с лица умирающего мужа.

Можно вспомнить и провозгласившего культ жертвенности К.Кодряну с его установкой «Да, Смерть!» - также убитого, причем, в отличие от брака Аркана и Цецы, его союз с Е.Илиною не оставил потомства (дочь была приемным ребенком), что можно интерпретировать – а можно и нет – как символическую жертву. Однако независимо от реальных последствий, использование священного брака – точнее, мифологизация реального брака – является примером удивительно точной политической технологии, сработавшей со стопроцентным результатом. Вопрос, явилось ли ее использование следствием сознательного расчета или интуитивно нащупанным ходом, в контексте нашего исследования представляется несущественным. Гораздо важнее выводы, которые можно сделать теперь, с определенной временной и политической дистанции.

Ответ на первый напрашивающийся вопрос – почему именно этот сюжет? – лежит на поверхности. Политики – лидеры вооруженных формирований в настоящем или прошлом – не могли использовать при создании имиджа никакой другой архетип, кроме архетипа Героя. Как уже

упоминалось в начале статьи, «добывание невесты» и последующий брак является одним из кульминационных моментов соответствующего мифологического нарратива. В свою очередь, мифологический нарратив героического эпоса неотъемлем от культурного декора политических доктрин националистического лагеря (достаточно вспомнить апологию «древнегерманского язычества» в нацистской Германии), а культ личности вождя – характерная черта всех тоталитарных и авторитарных доктрин без исключения.

Гораздо интереснее анализ особенности воздействия сюжета на сознание целевой аудитории. Помимо активизации архаических слоев сознания, мы имеем дело с воспроизведением древнего паттерна поведения: соучастия в мистерии. И здесь особое значение приобретает участие СМИ, максимально расширяющие круг участников за счет тех, кто лично не присутствовал, но читал в газете или видел на экране. Примечательно, что то, что не удалось в полном объеме Кодряну – распространить киноверсию своей свадьбы, в новейшую информационную эпоху удалось Ражнатовичу, превратившему свадьбу в крупное медиасобытие.

Как замечает современная российская исследовательница, «…медиа формируют специфический медиа-контент – *сказки и мифы* электронного века (информационного общества). Важно, что медиа не просто рассказывают, а *инсценируют* драму, вовлекая все душевные силы и способности людей – знания, эмоции, мораль, выступая поэтому как *смыслопорождающие* инсценировки» [12, с.97]. Трансляция СМИ свадьбы Ж.Ражнатовича и С.Величкович с данной позиции может быть интерпретирована как двойной ритуал: медийный ритуал, отображающий ритуал, происходящий в реальности: свадьбу социально значимых лиц,

интерпретируемую как священный брак. Кольцо смыслов замыкается: медиа кодируют реальность[1].

Учитывая известную политическую маргинальность обеих фигур в глазах части социума, можно рассматривать использование брачного и медийного ритуала не только как средство сплочения уже существующей группы сторонников, но и легитимизации в глазах тех, кто настроен негативно – хотя бы через механизм психологического заражения. Свадьба как источник позитивной энергетики неизменно вызывает положительные эмоции, или, во всяком случае, интерес.

И, наконец, очевидно, что в обеих случаях речь идет не только о подкреплении положительного имиджа, но и о чем-то большем - создании политического мифа. Таким образом, проанализированные нами примеры убедительно свидетельствуют, что использование сюжета священного брака вполне работает как средство создания положительного имиджа и даже мифологизации политического лидера вне монархического дискурса. Важным условием является определенная идеология; важным, но не единственным.

По нашему глубокому убеждению, успешность активизации сюжета священного брака зависит от ряда причин, одной из которых является тип общества: он срабатывает в аграрном или полуаграрном обществе, то есть там, где связанные с плодородием ритуалы не являются чем-то музейно-устаревшим, где крестьянская, традиционная цивилизация существует бок о бок с цивилизацией городской. В таком обществе отождествление реального события с мифологическим сюжетом срабатывает на нескольких уровнях, не вызывая культурного и прочего диссонансов. Другим немаловажным фактором является харизматический тип политического лидера. В противном

[1] Любопытно, что исследовательница, на работу которой «Медиа и ритуалы» мы ссылались, в качестве примера усложнения ритуала с помощью медиа также обращается к теме королевской свадьбы [12, с.113-115]

случае, то есть в постиндустриальном обществе и с политиком рационального типа попытки использования значимых событий личной жизни – даже свадьбы – влекут за собой не повышение, а понижение рейтинга. К примеру, свыше трети французов не одобрили в 2008 году брак президента Франции Н.Саркози и бывшей фотомодели К.Бруни, т.к. сочли, что президент слишком много внимания уделяет личной жизни [13]. Таким образом, ритуальный брак, являясь мощным средством формирования имиджа, требует для успешного использования, как и другие инструменты из сферы архаики, тщательного учета всех обстоятельств.

Литература:

1. Бормашева Е.К. Политический стереотип как элемент мифологизированного российского массового сознания . // «Новая» Россия: политические реалии и политические мифы: Материалы межвузовской научной конференции 29 – 30 ноября 1996 г. / Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт. – М. : РГГУ, 1996. – С.34-36.
2. Кольев А.Н. Политическая мифология: Реализация социального опыта – М. : Логос, 2003. – 382 с.
3. Перелыгина Е.Б. Психология имиджа. – М.: Аспект-Пресс, 2002. – 223 с.
4. Почепцов Г.Г. Профессия: имиджмейкер. – К. : Б. И.,1998. – 256 с.
5. Левинтон Г. А. Священный брак // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. - Т. 2. - С.422-423.
6. Раевский Д.С. Модель скифской культуры. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С.17-264.
7. *Sophia Perennis. The Russian Center of Traditional Studies : Электронный ресурс*// Режим доступа: *http://sophiaperennis.org/content/%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D1%83-%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D1%80%D1%8F%D0%BD%D1%83-%D0%B6%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D0%B3%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B4%D0%B8%D1%8F)*
8. Мудриченко И., Раку О. Свадьба Кодряну: удачный пример политического маркетинга*: Электронный ресурс* // Режим доступа: http://octavianracu.wordpress.com/2013/06/13/%D1%81%D0%B2%D0%B0%D0%B4%D1%8C%D0%B1%D0%B0-%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D1%80%D1%8F%D0%BD%D1%83-%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D1%80-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82/
9. Кодряну Корнелиу. Железная гвардия*: Электронный ресурс* // Режим доступа: http://www.velesova-sloboda.org/rhall/codreanu-zheleznaya-gvardiya.html
10. Marko Lopuŝina. Komandant Arkan. – Čačak: Legenda, 2005. – 308 str.
11. Цвиянович Ж. Корлеоне, последняя почта // Дани. № 138. – 21.01.2000 //http://zvornik.narod.ru/podzemlje/dani138a.htm
12. Черных А.И. Медиа и ритуалы. – М., СПб: Университетская книга, 2013. – 236 с.

13. Брак Саркози ухудшил его имидж // Лента.ру. – 6 февраля 2008 г. http://lenta.ru/news/2008/02/06/image/ //
14. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. – М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2001. — 496 с.
15. Элиаде М. История веры и религиозных идей. том первый: от каменного века до элевсинских мистерий. – М.: Критерион, 2002. – 356 с.